

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1870 г.

ТОМЪ I.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня

В. И. Головина,

у Владимирской церкви, домъ № 15, кварт. № 3.

1870.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ТОМЪ I.

Годъ первый. ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЬ, АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ. 1870 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Объ изданіи «Русской Старины»	1	XI. Записки М. И. Глинки 1804-1854 гг. части I и II	313
II. Военныи быть въ Беломъ Новогородѣ XI—XV ст. Изслѣдованіе А. И. Никитскаго	5	XII. Указы, реескрипты, письма: Петра I, Екатерины I, Анны Ивановны, Ивана Антоновича, Павла I, императрицы Марии Федоровны, импер. Александра I и Николая Павловича. 1705-1826 гг.	389
III. Журналъ генерал-фельдмаршала кн. Ю. Трубецкаго 1717-1763 гг.	33	XIII. Письма, разсказы и замѣтки относящіяся до государ. дѣтелей: кн. М. М. Щербатова, гр. Аракчеева, кн. М. И. Голенищева—Кутузова—Смоленскаго; гр. П. П. Коновницына, генер. Фуля, А. С. Шишкова, архимандрита Фотія и И. Н. Скобелева, 1789-1826 гг.	478
IV. Записки придв. бригадицкаго Позье 1729-1764 гг. и пис. Пикара 1781 г.	128	XIV. Русские писатели XVIII-го вѣка: Олешикъ въ Днѣтрѣвъ—Маконовъ, изслѣд. М. Н. Лонгинова	541
V. Записки Лагарпіи о воспитаніи в. к. Александра и Константина Павловичей 1786-1789 гг.	152	XV. Русские писатели XIX-го вѣка: К. Н. Батюшковъ, кн. А. И. Одоевскій, В. К. Кюхельбекеръ, И. А. Крыловъ, А. С. Пушкинъ, Н. А. Полевой и Ф. Ф. Вигель	549
VI. Воспоминанія гр. Коновницына, адмирала Колзакова, А. П. Степанова, сенатора И. Д. Данилова, Н. А. Титова, А. П. Корни, генер. Н. Г. Смыгунова 1808-1826 гг.	207	XVI. Некрологъ: о М. Я. Морошинѣ. (+ 15 апрѣля 1870 г.).	579
VII. Записки М. А. Бестужева: I. Братья Бестужевы. II. Стѣнная азбука въ Петров. крѣпости 1820-1826 гг.	253	XVII. Библ. листокъ рус. истор. книгъ	1-20
VIII. Бунты военныхъ поссланъ, разсказы очевидцевъ: о. И. Пархома и П. Н. Дирина 1831 г.	275		
IX. Записки императора Николая Павловича о Пруссіяхъ дѣлахъ 1848 г.	289		
X. Оборона Петропавловскаго порта въ Камчаткѣ 1854 г., записки контр-адмирала А. П. Арбузова	298		

ПРИЛОЖЕНІЕ: Записки А. Т. Болотова 1738-1794 гг. части I—IV., письма 1—47., съ портретомъ и 22-ма рисунками, исполненными авторомъ и гравированными акад. Л. А. Страховскимъ. Быть статьѣ А. П. Арбузова приложенъ планъ Камчатскаго порта въ 1854 г., исполн. въ картогр. завед. А. А. Ильина.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Печатня

В. Н. Головиза,

1870.

БУНТЪ ВОЕННЫХЪ ПОСЕЛЯНЪ ВЪ 1831 ГОДУ.

Подъ этимъ заглавиемъ въ текущемъ году редакціей „Русской Старины“ издана особая книга, въ которой помѣщено нѣсколько рассказовъ очевидцевъ объ этомъ печальному и въ тоже время много-значимательномъ эпизодѣ изъ новѣйшей русской исторіи. Предлагаемые здѣсь матеріалы, доставленные намъ по выходѣ въ свѣтъ нашей книги,—вносятъ еще нѣсколько подробностей исторіи этого мя-тежа. Матеріали эти въ подлинникѣ озаглавлены такъ: „Дѣло о по-вѣшеніи за ноги военными поселянами священника Иоан-на Парвова“.

Ред.

I.

1) Списокъ съ прошения старорусского военного поселенія, округа 3-го карабинернаго полка, присутствующаго въ полковомъ комитѣ священника села Коломны Иоакина Парвова 9 августа 1831 г.

Во время произшедшаго бунта въ округѣ 3 карабинернаго полка военныхъ поселянъ противъ своихъ начальниковъ и убіеніи оныхъ, 13 ч. сего іюля, съ повода того, что я весьма часто по дѣламъ служ-бы имѣть съ онымъ начальствомъ сношенія, былъ равнымъ об-разомъ жертвою симъ звѣрообразнымъ и немилосердымъ бун-товщикамъ; въ три часа пополудни бунтовщики, схвативъ меня на берегу рѣки Ловати, били кольями безъ всякаго милосердія. Обагренный кровю, лишенный всѣхъ чувствъ, былъ я стащенъ оными въ домъ свой, уже неимѣющій ни одной оконницы, гдѣ, но сбитіи замковъ съ кладовой и сундуковъ моихъ, производился обыскъ какого-то яду; и, при какомъ осмотрѣ, я былъ подъ крѣпкимъ карауломъ; потомъ ведень было бунтовщиками изъ погоста въ деревню Коломно, съ тѣмъ мнѣніемъ, чтобы лишить меня жизни, гдѣ привязавъ веревкою за ноги къ периламъ на улицѣ близъ канавы устроеннымъ, вторительно били меня стя-гами и кольями жесточайшимъ образомъ, послѣ чего отвели въ деревню Остратово, въ которой спасена жизнь моя нѣкоторыми изъ прихожанъ моихъ деревни Слугина и Остратово. 14-го числа получиль я увѣдомленіе, что въ ночи разграбленъ мой домъ тѣ-ми же бывшими меня бунтовщиками, при чемъ не пощажены даже сѣйствныя вещи, заготовленныя мною на продовольствіе мо-

его семейства, и сосудъ съ запасными святыми дарами былъ разбитъ и разбросанъ. Находясь въ Остратовѣ, я нѣсколько былъ безопасенъ; но страданія мои еще тѣмъ не кончились. Въ четыре часа пополудни толпа буйныхъ злодѣевъ, по двукратномъ истязаніи и допросахъ мнѣ дѣлаемыхъ — въ присутствіи поселянъ 2-й роты, большою частію мой приходъ составляющихъ, по наущенію и крику раскольническующихъ деревни Залузина поселянъ, повѣсили меня стремглавъ веревкою на казенномъ магазейнѣ, и не внимая просьбамъ моимъ, не смотря на льющуюся изъ ранъ кровь, оставили висѣть болѣе трехъ часовъ на ономъ, откуда снять почти мертвый, и отданъ подъ крѣпкій караулъ. На третій день, когда чувства мои нѣсколько ожили, и здоровье мое позволило мнѣ слышать то, за что меня мучили, узналъ я, что причиною къ поступленію со мною столь звѣрскимъ образомъ прихожанъ моихъ было то, что 1) я членъ комитета, 2) пользуюсь особеною любовію возненавидѣннаго и убитаго ими военнаго начальства, 3) что я долженъ знать о какихъ-то ядахъ, которыми будто военное начальство было готово истребить поселянъ.

Доводы до свѣдѣнія о семъ несчастномъ моемъ положеніи вашего преосвященства, покорнѣйше прошу явить ко мнѣ ваше архицастырское снисхожденіе — удалить меня изъ того прихода, въ которомъ я столько отъ бунтовщиковъ сихъ безвинно страдалъ, въ которомъ жизнь моя въ величайшей опасности, въ которомъ неуваженъ мой санъ, въ которомъ самое тѣло Христово было поругано и попрано, и въ которомъ приходѣ, хотя бы дѣйствиемъ правосудія и истреблены были сіи богоотступные и обагренные мою кровію люди; но останется живая мысль мщенія въ родственникахъ кровопийцевъ моихъ, и на сіе мое прошеніе учинить милостивѣйшее вашего преосвященства рѣшеніе.

2) Списокъ съ объясненіемъ окружга 3-го жарабинернаго полка села Ко-
лонна свящ. Паркова, поданного исправляющему должность военнаго
благочиннаго Дретенскаго погоста свящ. Никитѣ Георгіевскому отъ

21 августа сего 1831 года № 99.

Во исполненіе предписанія вашего благословенія отъ 13-го числа августа сего года за № 88 (по указу новгородской кон-

систорія за № 3,382) на имя мое послѣдовавшаго, симъ объяснить честь им'ю. Прошлаго іюля мѣсяца 13 числа, въ три часа пополудни военные поселяне села Коломна (въ то время, когда я находился на противулежащемъ берегу рѣки Ловати разстояніемъ отъ своего погоста на полверсты, вмѣстѣ съ дьячкомъ Иваномъ Густиновымъ и сыномъ своимъ Иваномъ), прибѣжалъ къ моему дому со стягами и кольями, съ страшнымъ крикомъ и звѣрскимъ видомъ спрашивали у моей работницы меня, и получивъ отвѣтъ, что меня не было дома, въ одно мгновеніе выбили всѣ восемь оконницъ; потомъ съ тѣмъ же крикомъ устремились искать меня по полямъ и огородамъ, грозя смертю всѣмъ причетникамъ, которые бы вступились защищать меня. Услышавъ шумъ и видя бѣгущихъ съ поля нашего погоста женщинъ, я съ дьячкомъ Густиновымъ и съ своимъ сыномъ, не предвидя никакой себѣ опасности, побѣжалъ по той же сторонѣ рѣки къ своему погосту, располагался противъ онаго по примѣру Густинова, перейти рѣку, какъ вдругъ увидѣлъ свою малолѣтнюю dochь Марию, на берегу плачущую, и услышалъ голосъ жены діакона Григорія Иванова, которая кричала мнѣ, чтобы я бѣжалъ, и что ищутъ убить меня поселяне. Почему я въ виду поселянь побѣжалъ по противулежащему берегу къ селу Зарѣчью, надѣясь спастись въ домѣ помѣщицы г-жи Карцевой. Поселяне, усмотрѣвъ мое бѣгство, бросились въ бродъ чрезъ рѣку, и первый изъ сихъ унтеръ-офицеръ хозяинъ Абрамъ Антоновъ, на лошади догнавъ меня остановилъ близъ самаго Зарѣчья; въ слѣдъ за нимъ прибѣжали рядовые хозяева: Авдій Родіоновъ схватилъ за грудь, Василій Емельяновъ и Иванъ Кирилловъ, стягами ударивъ по головѣ, сбили съ ногъ, разбили мою голову и обагрили лице мое кровью; за ними Крисанфъ Ивановъ, Павелъ Степановъ и Даниилъ Григорьевъ страшными ударами по груди, рукамъ и ногамъ отняли у меня чувства, потащили за ноги по землѣ, но сорвавъ съ оныхъ сапоги и поднявъ на ноги, понесли меня въ погостъ. Когда же я пришелъ въ память, спрашивалъ у ведущихъ меня подъ руки Крисанфа Иванова и Ивана Климова 2-го, за что такъ со мною поступаютъ? — получилъ отвѣтъ: за то, что я не пускалъ прогонять ихъ телятъ въ свое поле, не позволилъ имъ самимъ ходить въ погость. (Со времени появленія чумной болѣзни на рогатый скотъ у военныхъ поселянъ села Коломна, я дѣй-

ствительно просилъ ветеринарнаго врача г. Манакулова, чтобы поселене села Коломна не гоняли своихъ телятъ въ наше поле, и тѣмъ самыи не сообщили заразы нашему скоту, все лѣто пасущемуся отдельно отъ поселянского. Г. Манакуловъ приказалъ не только не пускать скотъ въ нашъ погостъ, но и поселянамъ съ нами вовсе не имѣть сообщенія. По убиенію же Манакулова и по взятіи меня изъ погоста, поселене, согнавъ свой скотъ съ нашимъ, заразили онъ, и надежъ въ погостѣ нынѣ существуетъ въ сильной степени), и что будто бы съ убитыми ими начальниками—я былъ согласенъ губить людей какимъ-то ядомъ. По приведеніи меня въ домъ, при моихъ глазахъ, разбили кладовую, и вытащивъ изъ оной сундуки, раскололи на оныхъ топорами крышки, вырыли все мое имущество, и когда не нашли нигдѣ никакаго ими яда, повели меня въ свою деревню, гдѣ неслужащіе инвалиды Дементій Феоктистовъ и Филиппъ Есенофонтовъ, изъ коихъ первый, когда я умолялъ его пощадить мою жизнь, толкнувъ ногою, привязали веревкою за ноги, къ периламъ канавы вмѣстѣ съ лѣкарскимъ ученикомъ Василемъ Степановымъ до полу-смерти также прибитымъ, вторительно помянутые инвалиды и рядовые хозяева Михаилъ Филипповъ, Павелъ Степановъ, Крисанфъ Ивановъ и жена Ксенофонтова Анна Константинова били меня по груди, рукамъ и ногамъ стягами жесточайшимъ образомъ, нѣкоторые же по головѣ ногами, и готовясь нанести рѣшительный ударъ въ голову, неслужащий инвалидъ Галактионъ Савинъ, получивъ самъ ударъ стягомъ по шей, отъ того удержанъ. Отвязавъ, подняли меня и понесли въ деревню Остратово, съ тѣмъ мнѣніемъ, чтобы вмѣстѣ съ г. поручикомъ Карецкимъ и лѣкаремъ Манакуловымъ, уже убитыми, положить и меня, между тѣмъ прочие поселене на лошадяхъ побѣхали въ штабъ бить своихъ начальниковъ и грабить онъ. По приводѣ меня въ Остратово, увидѣль я болѣе 100 человѣкъ, стоявшихъ около труповъ г. Карецкаго и Манакулова, въ числѣ коихъ около 15-ти человѣкъ поселянъ артиллерійскаго округа на лошадяхъ съ пиками, ружьями и побояшками; когда же провели меня подѣ сихъ мертвыхъ, поселяне артиллерійскаго округа, усмотрѣвъ на глазахъ моихъ показавшіяся слезы, закричали: «Куда повели его, кладите здѣсь, все равно и онъ, что господа», но неслужащіе инвалиды деревни

Слугина Тимофея Кузьминъ и деревни Остратова Василий Флоровъ, двукратно останавливающие крикомъ сихъ кровопийцевъ силою втащили меня въ сѣни старшины деревни Остратова унтеръ-офицера Филиппа Гаврилова, спасли жизнь мою и въ то время, когда два артиллериста съ звѣрскимъ видомъ, обагренные кровью, ворвались въ сѣни съ ружьемъ и пистолетомъ, инвалиды, ставъ предъ ними на колѣни, со слезами отклонили ихъ отъ гнусного ихъ намѣренія. Съ сѣней старшины, вечеромъ—когда артиллеристы и прочіе поселяне разошлись по своимъ домамъ — Флоровъ, сопровождаемый Кузьминнымъ, взялъ меня въ свой домъ, защищая меня отъ всѣхъ вражескихъ покушеній во время ночи. Въ 14 число съ самаго разсвѣта собрались поселяне въ деревню Остратово всей 2-й роты, до полуночи шумѣли и судили, что дѣлать со мною; защитники моей невинности давали совѣтъ отпустить меня, не вредя мнѣ ничѣмъ болѣе, но поселяне села Коломна и раскольники деревни Голузина совѣтовали убить до смерти. Наконецъ, бывъ ободрены горячими напитками, у г. поручика Карецкаго найденными, и распуще-ніемъ нелѣпыхъ, вредныхъ мнѣ слуховъ—будто бы поселяне села Коломна видѣли меня метающимъ ядъ въ колодези, и будто бы увѣренія мои въ смертности болѣзни холеры были собственностью мою выдумкою, и будто бы я былъ подкупленъ служить панихида по неумершемъ цесаревичу, между тѣмъ какъ онъ живъ, ходить между поселянами въ ихъ платьѣ, съ отро-щенною бородою, и прочія слагая на меня нелѣпости, осудили пытать меня.

Посему двукратно выводили меня изъ дома Флорова въ свое беззаконное подчище, двукратно давали мнѣ свои глупые во-просы, и не получивъ согласнаго съ ихъ намѣреніемъ отъ меня отвѣта, отводили обратно. Въ третій разъ, когда защитники мои удалились, или замолкли, унтеръ-офицеръ рабочаго баталіона № 10 Федоръ Кузьминъ, въ пьяномъ видѣ, извергая мерзкія хульныя слова на начальство, обратилъ вниманіе всей буйной толпы, ад. 1-й половины 3-го капральства, неслужащей инва-лидъ Евтихій Андреевъ вмѣстѣ съ раскольниками деревни Го-лузина рядовымъ хозяиномъ Кирилломъ Макаровымъ и неслу-жащимъ инвалидомъ Феоклистомъ Павловымъ, ругающимъ меня предъ всѣми тутъ бывшими поселянами, унтеръ-офицеръ Кузь-

минъ приказалъ вытащить меня изъ дома Флорова, допрашивалъ о ядахъ учтиво и приказалъ повѣсить; въ семъ случаѣ особенно оказали ревность въ исполненіи приказанія Кузьмина деревни Середки рядовой хозяинъ Захаръ Яковлевъ и деревни Климова Кондратій Моисеевъ, послѣдній принесъ веревку, а первый прицѣпилъ за мои ноги, но не нащедъ въ деревни способнаго къ повѣшенню мѣста, въ сопровожденіи болѣе ста человѣкъ подъ командою Кузьмина выведенъ бытъ я изъ деревни въ магазейну, гдѣ по допросѣ Кузьмина обѣ ядѣ и по моемъ отвѣтѣ, что ни начальство ими убітое, ни я никакихъ ядовъ никогда не имѣли, и намѣренія губить людей вовсе не было, деревни Залучья служацій инвалидъ Потапъ Андреевъ, не внимая моему прошенію повѣсить за шею, съ помощью Моисеева повѣсили за ноги на выпущенной изъ магазейна слеги. Находясь въ семъ положеніи болѣе 3-хъ часовъ, слышалъ одни колкія насмѣшки и ругательства. Радовый хозяинъ деревни Голузина Василій Сидоровъ рвалъ мою бороду, а Евтихій Андреевъ и помянутые раскольники кричали: «Давайте плетей и розогъ»; многіе побѣжали за оними, но когда усмотрѣли, что я уже лишался всѣхъ чувствъ, и что кровь лилась изъ рта, ушей и носа, согласились безъ боя оставить меня умирать на оной висилицѣ, отступили прочь и пошли по домамъ. Кто же меня снялъ и отнесъ въ домъ Флорова, того показать не могу, но слышалъ отъ рядового хозяина деревни Остратова Пантелея Спиридонова, что будто бы онъ, сжалась надъ мною, съ помощью своихъ сосѣдей разогнавъ оставшихся еще при моей висилицѣ малое число поселянъ, снялъ меня и отнесъ въ домъ Флорова. При сумеркахъ дня, по просьбѣ моей, приведенъ бытъ ко мнѣ товарищъ мой, священникъ Николай Федоровъ, пришли ко мнѣ моя жена съ дѣтьми, и діаконъ, Григорій Ивановъ, по исповѣди и причащеніи святыхъ Таинъ, объявила мнѣ жена моя (бывшая въ продолженіе сего времени у отца своего села Сњѣжскаго, священника Герасима Иванова), что весь домъ нашъ поселянами села Коломна разграбленъ: украдено денегъ 885 руб., 19-ть золотниковъ жемчугу и другихъ вещей на 100 руб., а всей покражи на 1,585 р.; при разграбленіи не пощажены даже съѣстныя вещи, сосудъ со святыми дарами былъ разбитъ и разбросанъ, но тѣло

Христово изъ онаго не было высыпано. На 3-й день, т. е. 15-го числа прибыль резервный баталіонъ; поселяне, почувствуя не-сказанную робость, оставили меня въ безопасности, спокойно допустили отцу моему, села Маркова дьячку Павлу Константинову, приѣхавшему погребать меня, взять и везти меня въ свой домъ, но опасаясь быть въ ономъ, я два дня и двѣ ночи безвыходно провелъ въ церкви, гдѣ получивъ увѣдомленіе отъ старшинь села Коломны Мелентія Дмитріева, что поселяне коломенскіе раскаиваются, что меня не убили, я уѣхалъ въ штабъ деревню Перегино подъ покровительство командаира резервнаго баталіона г. маіора Толмачева, но, получивъ и здѣсь увѣдомленіе отъ жены моей, что поселяне, надѣясь на измѣну резерва, готовятся сдѣлать новое нападеніе на штабъ, вынужденъ быть, испрося у г. Толмачева конвой, отправиться къ своему отцу въ село Марково. Пославъ прошеніе къ его преосвященству 22-го іюля, прибыль въ Марково и находился по 4-е число августа, лѣчась отъ болѣзни. 4-го августа прибыль я въ городъ Старую Руссу, подаль лично его сіятельству графу Орлову съ прописаніемъ всѣхъ сихъ обстоятельствъ прошеніе, былъ удостоенъ милостиваго выслушанія моей обиды, обласканный и ободренный покровительствомъ его сіятельства, я приѣхалъ къ моему тестю села Сњѣжи, священнику Герасиму Ioannovу, а 10-го числа августа, по предписанію ко мнѣ г. маіора Толмачева, я прибыль обратно въ штабъ 3-го карабинернаго полка, 13-го въ свой домъ. Подаль рапортъ командующему округомъ г. маіору Бонческулу съ представленіемъ имяннаго списка моихъ злодѣевъ, по которому всѣ люди забраны и содержатся подъ арестомъ. Вступивъ въ отправленіе по прежнему моей должности, хотя еще не получиль вожделѣннаго здоровья, но по сіе время нахожусь безопаснѣ.

3) Копія съ донесенія Серафима, митрополита с.-петербургскаго св. Синоду. № 63.

1831 года ноября 13-го дня, по указу его императорскаго величества св. синодъ слушали донесеніе синодальнаго члена—преосвященнаго Серафима, митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго, 2-го сего ноября полученное, съ представленіемъ,

о награждении старорусского военного поселения 2 дивизии округа 3 карабинерного полка, села Коломна старшего священника Иоанна Парвова, претерпѣвшаго, во время бывшаго въ томъ поселеніи возмущенія, жестокое мученіе и страданіе, въ чемъ удостовѣрилъ новгородскую консисторію, вслѣдствіе ея требованія, г. управляющей корпусомъ военного поселенія генераль-лейтенантъ Даниловъ. Онъ, преосвященный митрополитъ Серафимъ, находя, согласно съ мнѣніемъ консисторіи, священника Парвова, за сей важный подвигъ его и невинно претерпѣнное имъ жестокое мученіе, заслуживающимъ награжденія наперснымъ крестомъ, представляетъ о семъ на благоразсмотрѣніе св. синоду, прилагая списокъ съ поданнаго имъ, священникомъ Парвовымъ, исправляющему должность военного благочиннаго священнику Никитѣ Георгіевскому объясненія по сему предмету, и послужный о немъ священникъ списокъ, изъ коихъ явствуетъ 1) изъ объясненія между прочимъ, что прошлаго іюля мѣсяца 13 числа военные поселяне села Коломна въ небытность его, Парвова, дома, прибѣжалъ къ его дому со стягами и кольями, съ страшнымъ крикомъ выбили въ одно мгновеніе всѣ окна въ ономъ, и узнавши, что его, Парвова, неѣть въ домѣ его, устремились искать его по полямъ и огородамъ, грозя смертю всѣмъ причетникамъ, которые бы рѣшились защищать его. Увидѣвши его на другой сторонѣ рѣки Ловати и переправившись чрезъ оную, догнали его на лошади, сбили съ ногъ, и били стягами по головѣ безщадно, и обагрили все лицо его кровю, зато, что якобы и онъ согласенъ былъ съ начальниками, убитыми ими, бунтовщиками, губить людей какимъ-то ядомъ. Потомъ потащили его въ погость, и по приведеніи его, священника, разрыли все его имущество, и когда нигдѣ не нашли мнимаго ими яда, то привязали веревкою за ноги къ периламъ канавы вмѣстѣ съ лѣкарскимъ ученикомъ Степановымъ, до полусмерти также прибитымъ, вторично били его—священника Парвова, по груди, рукамъ и ногамъ стягами жесточайшимъ образомъ, нѣкоторые по головѣ ногами, но по удержаніи неслужащимъ инвалидомъ Галактіономъ Савинымъ отъ нанесенія рѣшительного удара въ голову, отвязавъ, понесли его, священника, въ деревню Остратово съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ поручикомъ Карецкимъ и лѣкаремъ Маникуловымъ, уже убитыми, положить и его. На друг-

гой день, т. е. 14 іюля поселяне села Коломна и раскольники деревни Голузина, бывъ побуждасмы распущеніемъ нелѣпыхъ слуховъ, будто бы поселяне села Коломна видѣли его, священника, метающимъ ядъ въ ихъ колодцы, и будто бы увѣренія его въ смертности болѣзни-холеры были собственною его выдумкою, и будто бы онъ былъ подкуплень служить панихиду по умершемъ цесаревичу, между тѣмъ, какъ онъ живъ, ходитъ между поселянами въ ихъ платьѣ съ отрощеніою бородою и прочими нелѣпостями, неоднократно водили его въ свое беззаконное полчище, давали ему свои глупые вопросы, были допрашиваемъ о ядахъ, потомъ въ сопровожденіи болѣе ста человѣкъ, подъ командою Кузьмина, выведенъ быть изъ деревни къ казенному магазейну, гдѣ, по полученіи на вопросъ Кузьмина объ ядѣ отъ его священника отвѣта, что ни онъ, ни начальство, ими убитое, никакихъ ядовъ никогда не имѣли и намѣренія губить людей вовсе не было, быть повѣшенъ за ноги на выпущенной изъ магазейна слѣгѣ, и въ семъ положеніи находился болѣе трехъ часовъ. Рядовой Василій Сидоровъ рвалъ его бороду, а прочие кричали: «давайте плетей и розогъ», но когда увидѣли, что онъ уже лишился всѣхъ чувствъ и что кровь лилась изъ рта, ушей и носа, оставили его и разошлись по домамъ. Кто же снялъ его, священника, съ висѣлицы, того не помнить. На третій день, т. е. 15 числа увезенъ онъ, Парвовъ, отцомъ его, дьячкомъ села Маркова, Павломъ Константиновыми, въ домъ свой, но и тамъ быть не въ безопасности, почему, пробывъ два дня и двѣ ночи безвыходно въ церкви, отправился въ штабъ подъ покровительство командира г. маиора Толмачева. 2) Изъ послужного списка видно, что онъ, священникъ Парвовъ, изъ духовнаго званія, по окончаніи курса богословскихъ наукъ въ новгородской семинаріи, въ 1817 году октября 22, произведенъ въ упомянутый округъ во священника, въ 1824 г. опредѣленъ присутствующимъ въ комитетъ полковаго управлениія, въ 1829 г. за содѣйствіе въ обращеніи раскольниковъ въ православной церкви, отъ епархиального начальства, объявлена ему, Парвову, благодарность. Въ поведеніи онъ рекомендуется очень хорошимъ; въ семействѣ имѣть жену и шестерыхъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей; отъ рода ему 35 лѣтъ. Приказали: означеннаго священника Парвова, за усердное прохожденіе имъ долж-

ности своей и невинно-претерпѣнное имъ жестокое мученіе при возмущеніи, бывшемъ въ старорусскомъ военномъ поселеніи, св. Сунодѣ съ своей стороны находитьъ, согласно съ мнѣніемъ новгородскаго епархіального начальства, заслуживающимъ награжденія изъ высочайше установленныхъ для бѣлага духовенства, наперснымъ крестомъ. О чёмъ доложить Государю Императору и испросить высочайшее на то соизволеніе представить г. синодальному оберъ прокурору, князю Мещерскому, для чего и дать съ сего опредѣленія къ оберъ-прокурорскимъ дѣламъ копію. Подлинное подписали 11 декабря 1831 года.

Примѣчаніе. Это одинъ изъ яркихъ эпизодовъ исторіи страшнаго возмущенія крестьянъ такъ-называемыхъ военныхъ поселеній, въ 1831 году. Дикое невѣжество, подозрительность ко всякой мѣрѣ правительства, въ тоже время довѣрчивость безусловная ко всякому нелѣпому слуху, распускаемому всякимъ пройдохой и плутомъ, водка и фанатизмъ отщепенства или раскола церковнаго—вотъ все гдашніе и почти главные движители такъ-называемыхъ бунтовъ или возмущеній нашего народа. Но всѣ эти движители были бы не дѣйственны, или не могли бы произвестъ такого страшнаго взрыва, какой обыкновенно бываетъ результатомъ ихъ, если-бы къ нимъ не приводила одна основная и коренная причина—это общее чувство недовольства тѣмъ положеніемъ, въ которое поставляется извѣстная часть народонаселенія, если бы оно не изнывало подъ несноснымъ гнетомъ, которымъ стиснута и сжата его жизнь. Въ эпоху тридцатыхъ годовъ (когда свирѣпствовала холера) почти повсемѣстно распространенъ былъ слухъ среди нашего простого народа объ отравленіи людей докторами, о бросаніи въ некоторые людьми ядовъ въ колодцы, рѣки, озера и пруды, почти также повсюду ходили слухи между простонародьею нашемъ о томъ, что цес. Константинъ Павловичъ живъ и скрывается гдѣ-то; по поводу этихъ слуховъ были въ некоторыхъ мѣстностяхъ Россіи признаки броженія и даже попытки къ заявлению не-мирнаго свойства, но нигдѣ они не сопровождались такими звѣрскими и неистовыми взрывами страстей, какъ въ военныхъ поселеніяхъ. Причины такого явленія весьма понятны: нигдѣ общее недовольство своимъ положеніемъ не было такъ всеобще, какъ въ военныхъ поселеніяхъ. Когда въ нашихъ военныхъ поселеніяхъ опьяненные отъ злобы и мести крестьяне избивали своихъ начальниковъ, въ Испаніи въ это время безпощадно уничтожали іезуитовъ и имъ приписывали отравленіе народа. Іезуиты заѣдали всю жизнь испанца; ни въ одной странѣ Европы іезуитизмъ не тяготѣлъ надъ народомъ tanto таежстю, какъ въ Испаніи, и вотъ народъ испанскій въ нихъ видѣлъ виновниковъ и нового бѣдствія, постигнувшаго его и начинаятъ мстить по этому случаю за всѣ прошлыя ихъ преступленія.

Къ этимъ словамъ о. Михаила Яковлевича Морошкина, (нынѣ покойнаго) которому мы обязаны сообщеніемъ приведенныхъ вы-

ше документовъ, добавимъ одну весьма характеристичную подробность уже изъ истории Франціи. Почти въ то самое время, когда въ глуши новгородскихъ болотъ и лѣсовъ, народъ, коснѣвшій въ полнѣйшемъ невѣжествѣ и среди условій самыхъ неблагопріятныхъ для его духовнаго и материальнаго развитія, увлекался дикими порывами и, взводя чудовищныя обвиненія на лицъ дворянскаго сословія, губилъ ихъ безпощадно, что дѣлалось въ самомъ центрѣ цивилизованнаго міра, въ Парижѣ? Въ концѣ марта 1832 года въ этомъ городѣ появилась холера и стала быстро пожирать людей. Число умирающихъ доходило въ иные дни до тысячи человѣкъ. Въ народѣ стали ходить слухи объ отправителяхъ; подозрѣнія были смутны, ни на чёмъ не основаны, но легитимисты дерзнули обвинять самого короля Людовика-Филиппа. Къ довершенню зла, полицейскій префектъ Парижа издалъ объявление, въ которомъ говорилось объ отравѣ, какъ о факѣ, но вина слагалась на неизвѣстныхъ злоумышленниковъ, стремящихся заподозрить въ этомъ ненавистномъ злодѣйствѣ правительство. Имѣя въ виду такое официальное подтвержденіе своихъ подозрѣній, народная толпа присвоила себѣ право обыскивать проходящихъ и умертвила множество людей, имѣвшихъ какой-нибудь подозрительный порошокъ или неизвѣстную эссенцію. Въ виду такихъ аналогическихъ явлений — разыгравшихся почти одновременно въ старорусскихъ новгородскихъ поселеніяхъ и на улицахъ Парижа, невольно рождается вопросъ, въ какой же мѣрѣ народная масса парижанъ была выше, въ эпоху 1830 годовъ, по своему развитію, тѣхъ мужиковъ поселянъ новгородскихъ, которые смиренно, неся тяжкую свою долю до холеры, только этимъ бичемъ Божиимъ подвигнуты были къ проявленію чудовищныхъ животныхъ инстинктовъ?

Ред.

II.

Въ изданной редакц. «Рус. Старины» книжѣ, подъ заглавиемъ: «Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 году», на стр. 184, между прочимъ, упомянуто, что «поселяне приходили въ Демьянскомъ уѣздѣ, въ село Петровское, принадлежащее помѣщицѣ, полковницѣ А. С. Дириной и что они непремѣнно разграбили бы весь домъ Дириной и убили бы ее саму, если бы ихъ скопище не отразили сбѣжавшіеся крестьяне». Помянутая помѣщица Дирина была моя мать Анна Сергеевна, и въ памяти моей очень хорошо сохранились подробности ужаснаго эпизода изъ ея жизни, о которомъ въ изданіи г. Семевскаго сказано лишь мимоходомъ. Полагая, что подробности эти будутъ небезинтересны для читателей уважаемой «Русской Старинѣ» въ особенности потому, что изъ всѣхъ столкновеній бунтовавшихъ поселянъ съ помѣ

щиками, въ продолженіе всей эпохи кровавыхъ событій 1831 г. это былъ единственный случай, при которомъ, несмотря на все раздраженіе и озлобленіе появившейся толпы, помѣщица осталась жива и невредима и все имущество ея въ полной неприкосновенности. Естественно, что для этого нужны были важныя причины, и дѣйствительно такихъ причинъ было двѣ: необыкновенное присутствіе духа моей матери и огромное влияніе, которое она имѣла на своихъ крѣпостныхъ людей.

Да не посѣтуетъ на меня читатель, если я коснусь, конечно въ самыхъ краткихъ чертахъ, изображенія характеристики моей матери, къ чему обязываетъ меня не только чувство сыновняго уваженія въ ея памяти, но и долгъ безпредъстратнаго лѣтописца, такъ какъ и самый счастливый исходъ описываемаго мною событія объясняется ничѣмъ инымъ, какъ личными свойствами особы, бывшей его героинею.

Послѣ смерти моего отца, въ 1812 году, въ г. Данцигѣ, гдѣ онъ командовалъ бригадою ополченія, мать моя осталась съ тремя малолѣтними дѣтьми владѣтельницею села Петровскаго, при которомъ состояло болѣе тысячи душъ крестьянъ. Глубоко проникнутая обязанностями матери и помѣщицы, она вполнѣ поняла, что достигнуть желаемаго благороденствія, какъ въ собственной семье, такъ и въ отношеніи къ подвластнымъ ей крѣпостнымъ людямъ, можно было не приказаніями, а собственнымъ примѣромъ, каковымъ она въ дѣйствительности и служила въ продолженіи семидесятилѣтней своей жизни.

Село Петровское находилось въ 70-ти верстахъ отъ Старой Русы, на самой границѣ съ военными поселеніями. Слухъ о грабежахъ и убийствахъ не замедлилъ дойти до моей матери, которая въ то время жила въ имѣніи съ одною изъ моихъ сестеръ. Управляющій, находившійся по дѣламъ въ окрестностяхъ, былъ избитъ до полусмерти и гдѣ-то брошенъ.

Однажды утромъ, въ девятомъ часу, нахлынула на дворъ дома моей матери огромная толпа поселеній, уже отуманиенныхъ пролитою кровью; отрядивъ изъ среды своей нѣсколькоихъ человѣкъ, они послали ихъ въ домъ, чтобы захватить помѣщицу.

Мать моя не потеряла присутствія духа и встрѣтила бунтовщиковъ съ обыкновеннымъ своимъ достоинствомъ.

— Что вамъ надо? спросила она.

- Намъ приказано тебя взять!
- Покажите приказъ, тогда я пойду, но не иначе.

Такое хладнокровіе ихъ ошеломило и удержало отъ обычныхъ убийствъ; они только отвѣчали: «сейчасъ привезутъ приказъ». Что они подъ этимъ подразумѣвали — неизвѣстно. Затѣмъ потребовали, чтобы мать моя показала имъ всѣ шкафы, — идти ли яду. Она повела ихъ по всему дому, открывала всѣ шкафы, пробовала всѣ жидкости, чтобы доказать, что яду не было. Это случилось въ субботу, день, въ который мать моя всегда юздила въ церковь. Она велѣла подавать экипажъ и, замѣчательно, что никто изъ раззыренной толпы не позволилъ себѣ ни воспротивиться этому, ни сѣсть рядомъ съ мою матерью: но иѣсколько поселянъ помѣстились на козлахъ и на запяткахъ, и въ такомъ же порядкѣ вернулись по окончаніи обѣдни. За обѣдней мать моя причастилась и потомъ велѣла отслужить по себѣ панихиду. Во все время службы поселяне не снимали шапокъ, или стояли спиною къ алтарю. Изъ церкви пришли ихъ увѣщевать священникъ, почтенный о. Георгій Медвѣцкій и съ нимъ забѣжій монахъ; но поселяне ихъ прогнали, объявивъ, что имъ «рясы растреплють».

Между тѣмъ къ толпѣ присоединилась, дневавшая въ ближайшей деревнѣ, партія рекрутъ. Все время они лежали на дворѣ и требовали вина, въ чемъ мать моя имъ отказала. Какъ ни молодѣ была сестра моя, но и она не потерялась; мученическая смерть обѣими дорогими для меня существами выжидалась ежеминутно, и эта пытка продолжалась до 4-хъ часовъ. Предоставляю читателю судить, какова была агонія!

Въ 4 часа, мать и сестра услышали, какъ мятеjhники стали бить окна въ домѣ, и затѣмъ раздались неистовые крики; — въ эту минуту, какъ впослѣдствіи рассказывали онѣ мнѣ, у обѣихъ ногъ отнялись и энергія стала ихъ покидать.

Вотъ что случилось: дворовые люди, видя, что ихъ господѣ угрожаетъ опасность, вынули изъ анбара, находившегося тамъ, прутковое жѣлѣзо, нарубили изъ него прутьевъ, разложили въ разныхъ мѣстахъ усадьбы, между прочимъ, въ передней дома, и, по установленному между ними знаку, схватили прутья, разбили окна, и съ крикомъ: «ура!» бросились съ разныхъ сторонъ на поселянъ. Это неожиданное нападеніе навело на мя-

тежниковъ паническій страхъ. Несмотря на свою многочисленность, бунтовщики бросились бѣжать; ихъ погнали и стали бить дворовые, съ такою сметкою вооружившися. Мать моя и сестра, ничего не зная, готовятся къ смерти, и, между тѣмъ, видятъ,— и глазамъ своимъ не вѣрять: бѣгущая толпа съ моста, довольно высокаго, бросается въ воду!

Вѣгаєтъ горничная съ крикомъ: «Барыня, барыня! наши поселянъ гонять!»

Что почувствовала въ эту минуту обреченная на вѣрную смерть и такъ мгновенно спасенная, нельзя словомъ сказать, ни первомъ описать. Прогнавъ поселянъ, дворовые люди учредили патрули, всю ночь и на другой день перекликались и стрѣляли изъ ружей; все это остановило неоднократно собиравшихся поселянъ (какъ сами они потомъ говорили) покончить съ Петровской барыней. Этотъ же геройскій подвигъ дворовыхъ людей остановилъ предумышленный мятежниками сильный набѣгъ на городъ Демьянскъ.

Замѣчательно, что во всемъ имѣніи пропали, похищенные поселянами, только: золотые часы моей матери съ цѣпочкою, пара ножницъ и мое ружье, тогда какъ всюду, куда ни являлись мятежники, обыкновенно все захватывалось и кто только не былъ изъ ихъ шаекъ, тотъ или пригибалъ подъ ихъ ударами, или оставался на мѣстѣ жестоко избитымъ.

Причина нерѣшимости поселянъ была ясна: это безсознательноеуваженіе, которое укоренилось долговременною неукоризненною жизнью моей матери—настоящей барыни, какъ ее окрестное населеніе величало.

Да не подумаетъ читатель, что я, какъ сынъ—пристранный цѣнитель; нѣтъ, оно не такъ: никто во всемъ уѣздѣ не найдется (какого бы сословія ни былъ), чтобы опровергнуть что-либо изъ сказанного мною. Со стороны дворовыхъ людей это былъ подвигъ великой преданности; жаль, что онъ до сихъ поръ остался незамѣченнымъ.

Я умалчиваю о другихъ эпизодахъ бунта въ Старой Русѣ, боясь невѣрности въ моемъ разсказѣ: время многое перемѣшало, другое и вовсе изгладило изъ моей памяти; но что вѣрно, такъ это причина бунта: онъ былъ слѣдствіемъ полнаго отсутствія въ начальствующихъ пониманія характера движенія народныхъ массъ,

съ которыми полумѣры постоянно должны имѣть пагубныя послѣдствія въ смыслѣ административномъ, равно и въ филантропическомъ.

Примѣчаніе. Настоящій разсказъ написанъ Петромъ Николаевичемъ Диринымъ и сообщенъ намъ Петромъ Алексѣевичемъ Зубовы мъ. Пользуясь настоящимъ случаемъ, мы убѣдительнѣйше просимъ лицъ, которые, какъ очевидцы, помнятъ событія, сопровождавшія мятежъ Новгородскихъ поселянъ, подѣлиться своими воспоминаніями и рассказами съ читателями „Русской Старинѣ“.

Ред.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА О ПРУССКИХЪ ДѢЛАХЪ.

1848 г.

(Переводъ). I. Съ нѣкотораго времени носится слухъ о военномъ дѣйствіи, предпринимающемся противъ Берлина. Какая его цѣль—неизвѣстно, но можно предполагать, что оно будетъ обращено противъ черни, дѣлающей почти каждый вечеръ изъ Берлина арену всѣхъ своихъ неистовствъ. Надо надѣяться, что цѣль эта будетъ легко достигнута помощью многочисленнаго и вѣрнаго войска, нетерпѣливо желающаго отомстить за оскорблѣнія и униженія, такъ мало имъ заслуженныя.

(Подлинникъ) I. Depuis quelque temps il est bruit d'un mouvement militaire qui va s'opérer contre Berlin. Quel est son but — on l'ignore; mais il est permis de supposer qu'il sera dirigé contre la lie de la population qui fait presque journalement le soir de Berlin le th tre de tous ses exc s. Il faut espérer que ce but-l  sera facilement atteint par une troupe nombreuse, fid le et surtout impatiente de venger ses affronts et son humiliation si peu m rit e.

Mais quand ce fait sera accompli, quelle sera la marche ult rieure du gouvernement et que lui conviendra-t-il de faire pour rendre ´ la monarchie son ancienne force et restaurer sa puissance pass e?

Pour r pondre ´ cette question il semblerait n cessaire d'abord d' tablir, quelle est la forme du gouvernement qui convient le mieux ´ la position g ographique de la Prusse, ´ ses ant c dents et ´ sa composition actuelle?

L'histoire t moigne que la Prusse a d  sa grandeur ´ l'esprit belliqueux de ses matres, ´ leur victoire et ´ l'esprit ´minemment militaire qui pr dominait dans le pays, s'appuyant sur des souvenirs de gloire et de malheurs dont la Prusse est sortie victorieuse sous son immortel roi Fr d ric Guillaume III.